Цифровой профиль иностранного гражданина как правовая категория: к вопросу о законодательном закреплении

Маранди Дарья Вячеславовна
аспирант кафедры административного, информационного и финансового права, Юридический факультет имени М.М. Сперанского, Институт права и национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, marandidarya@mail.ru

Предметом исследования выступает правовая природа и нормативное содержание категории «цифровой профиль иностранного гражданина» в системе российского миграционного и информационного законодательства в контексте введённого в 2024–2026 годах экспериментального и постоянного регулирования данного института. Анализируется нормативный переход от ситуации полного правового вакуума к закреплению государственного информационного ресурса посредством Указа Президента РФ от 09.07.2025 № 467 О государственном информационном ресурсе «Цифровой профиль иностранного гражданина». В работе проведён сравнительно-правовой анализ качества нового нормативно-правового регулирования государственного информационного ресурса с точки зрения соответствия стандартам правового государства в части гарантий прав субъектов данных, прозрачности алгоритмических решений и защиты от дискриминации. В работе применяется комплекс методов: формально-юридический, сравнительно-правовой, системный, эмпирический. Настоящая статья представляет комплексный научный анализ нормативно-правового закрепления государственного цифрового информационного ресурса «Цифровой профиль иностранного гражданина» в российском праве. Обосновывается, что принятые в 2024–2026 годах нормативные акты, решив проблему организационной основы профиля, оставили без ответа ключевые вопросы правового статуса иностранного гражданина как субъекта данных: право на получение объяснений об административных решениях, принятых на основе данных отраженных в профиле, право на оспаривание автоматизированных выводов и гарантии защиты от дискриминации. Предложены конкретные меры по восполнению выявленных пробелов и совершенствованию законодательства в миграционной сфере.

Ключевые слова: цифровой профиль иностранного гражданина, государственный информационный ресурс, миграционное законодательство, персональные данные, алгоритмическое профилирование, автоматизированные административные решения, право на объяснение, субъект данных, цифровизация государственного управления, миграционный контроль.

Введение

Правовое регулирование цифровых сведений об иностранных гражданах в России вступило в качественно новый этап. Если ещё в 2022–2023 годах исследователи констатировали фрагментарность информационных систем в миграционной сфере при отсутствии единой правовой рамки [1], то уже Постановление Правительства РФ от 07.11.2024 № 1510 «О проведении эксперимента по апробации правил и условий въезда в РФ и выезда из РФ иностранных граждан и лиц без гражданства» обозначило начало экспериментального внедрения цифрового профиля мигранта, а Указ Президента РФ от 09.07.2025 № 467 «О государственном информационном ресурсе "Цифровой профиль иностранного гражданина"» придал этому инструменту устойчивый нормативный статус.

Новая Концепция государственной миграционной политики РФ на 2026–2030 годы, утверждённая Указом Президента РФ от 15.10.2025 № 738, прямо закрепила формирование цифрового профиля иностранного гражданина в числе приоритетных инструментов. Перед юридической наукой встаёт задача не обосновывать необходимость законодательного закрепления данного института, а оценить полноту уже принятого регулирования [2].

1. Нормативная история: от правового вакуума к институционализации

Нормативная история цифрового профиля иностранного гражданина в России имеет чёткую периодизацию. Первый период (2021–2023) характеризовался полным правовым вакуумом при технологической готовности: информационные системы МВД России, ФНС, Роструда уже агрегировали данные об иностранных гражданах через систему межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ), однако правового понятия совокупного профиля не существовало.

Второй период, начиная с конца 2024 года, ознаменовался переходом к экспериментальному регулированию. Постановление Правительства РФ от 07.11.2024 № 1510 "О проведении эксперимента по апробации правил и условий въезда в РФ и выезда из РФ иностранных граждан и лиц без гражданства" запустило эксперимент, согласно которому в период с 00 часов 00 минут 1 декабря 2024 г. по местному времени до 23 часов 59 минут 30 июня 2026 г. по местному времени все въезжающие иностранные граждане стали проходить обязательную фотосъёмку и дактилоскопию, а данные аккумулировались в государственной информационной системе миграционного учёта (ГИС МУ). Эксперимент обнажил концептуальную неполноту: технологический механизм создавался без одновременного закрепления правового положения субъекта данных [3, с. 181].

Третий период начался 09 июля 2025 года: Указом Президента РФ № 467 «О государственном информационном ресурсе «Цифровой профиль иностранного гражданина», где данный ресурс был законодательно учреждён. Ресурс формируется в составе ГИС МУ на базе инфраструктуры МВД России, где МВД является его непосредственным оператором. Состав сведений условно можно разделить на пять блоков: 1) идентификационные и биометрические данные; 2) сведения о въездах, выездах и документах; 3) данные о трудовой деятельности и налоговых отчислениях; 4) административно-юрисдикционные сведения; 5) медицинские данные. Концепция на 2026–2030 годы институционализирует цифровой профиль как постоянный инструмент миграционного управления, ориентированного на биометрическую идентификацию и широкое внедрение информационных технологий [4].

Следует отметить, что именно в 2023 году отечественные исследователи указывали на необходимость риск-ориентированного подхода к управлению миграцией, предполагающего

комплексный анализ данных об иностранных гражданах из множества источников [5, с. 7–9]. Принятое регулирование отчасти реализует этот подход на институциональном уровне, однако без надлежащих правозащитных механизмов. Принятое регулирование обладает рядом достоинств. Впервые в российском праве определён оператор ресурса, установлены источники агрегируемых сведений, предусмотрен доступ иностранного гражданина к своему профилю через Единый портал государственных услуг. Вместе с тем принятые акты воспроизводят типичный изъян инфраструктурного нормотворчества: право создаёт инструмент контроля, но не формирует симметричной системы защиты субъекта [6, с. 26–28]. Анализ Указа № 467 позволяет выделить четыре остаточных пробела.

Первый — отсутствие гарантий объяснимости. Указ не закрепляет права иностранного гражданина на получение объяснений об основаниях административных решений, принятых с использованием профиля. Ни ФЗ от 25.07.2002 № 115-ФЗ о правовом положении иностранных граждан, ни ФЗ от 27.07.2006 № 152-ФЗ о персональных данных такого специального права не предусматривают. Это разительно контрастирует со ст. 22 GDPR, требующей объяснить логику автоматизированного решения, и с аналогичными нормами Акта ЕС об искусственном интеллекте 2024 года [7, с. 8–10].

Второй пробел — отсутствие механизма оспаривания данных. Наличие в профиле ошибочных или устаревших сведений способно повлечь неправомерный отказ в разрешительных документах или ограничение въезда. Однако ни Указ № 467, ни ФЗ от 18.07.2006 № 109-ФЗ о миграционном учёте не устанавливают специализированной процедуры оспаривания содержания межведомственного агрегированного ресурса [8, с. 100–102]. Понятие цифрового профилирования и его правовые последствия в российском публичном праве по-прежнему остаются неопределёнными.

Третий пробел — допустимость полностью автоматизированных решений. Действующее законодательство не содержит требования об участии уполномоченного должностного лица в принятии административных решений, основанных на профиле. Это создаёт риск делегирования юрисдикционной функции алгоритму. Исследования в области алгоритмического управления свидетельствуют, что именно отсутствие механизма участия человека в процессе принятия решений является наиболее частым источником нарушений прав субъектов [9; 10].

Четвёртый пробел — режим трансграничной передачи данных. Декабрьский 2025 года проект постановления МВД о составе сведений цифрового профиля не содержит положений о порядке передачи данных иностранным государствам в рамках соглашений о реадмиссии. Между тем обновлённая редакция статьи 18 Федерального закона № 152-ФЗ, вступившая в силу 01.07.2025, установила режим запрета первичного сбора персональных данных в иностранных хранилищах, что порождает коллизию с практикой трансграничного информационного обмена в миграционной сфере [5].

2. Сравнительно-правовой анализ

2.1. Европейский союз

Наиболее разработанным ориентиром в данной сфере служит право Европейского союза. Статья 22 Регламента (ЕС) 2016/679 (GDPR) закрепляет право субъекта данных не подвергаться решению, основанному исключительно на автоматизированной обработке, включая профилирование, если такое решение влечёт юридически значимые последствия [11]. Руководящие указания Рабочей группы по статье 29 детализируют критерии автоматизированного профилирования, обязанности оператора по обеспечению объяснимости и механизм оспаривания [12].

Необходимо, однако, сделать существенную оговорку: Российская Федерация не является участником Конвенции Совета Европы № 108 о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных [13], а GDPR — акт ЕС, в котором Россия не состоит. Следовательно, прямых международно-правовых обязательств, вытекающих из указанных инструментов, у неё не возникает. Ссылка на европейские стандарты в настоящей работе носит доктринальный, а не нормативный характер: они используются как эталон надлежащей практики.

2.2. Государства — члены ЕАЭС

Более практически значимым является сравнение с правовыми системами государств — членов Евразийского экономического союза, поскольку именно с ними Российская Федерация имеет действующие обязательства в сфере защиты персональных данных. Соглашение о защите персональных данных физических лиц государств — членов ЕАЭС от 25 января 2017 года закрепляет обязательства сторон по обеспечению надлежащего уровня защиты при трансграничной передаче персональных данных.

Ни Казахстан (Закон РК «О персональных данных и их защите» 2013 г. в ред. 2020 г.), ни Беларусь (Закон РБ «О защите персональных данных» 2021 г.) не закрепили специальных норм об автоматизированном профилировании мигрантов. Это свидетельствует о том, что выявленный нормативный пробел является общей чертой постсоветского правового пространства и не составляет специфического изъяна российского регулирования. Тем не менее именно Российская Федерация, располагая наиболее масштабной миграционной системой в ЕАЭС, несёт повышенную ответственность за выработку стандартов, применимых к гражданам государств-партнёров.

Таким образом, нормативный разрыв между Указом № 467 и лучшими мировыми стандартами защиты субъектов данных реален, однако он не обусловлен нарушением каких-либо обязательных международно-правовых норм. Его значение — доктринальное и имплементационное: принятое регулирование не достигает уровня правовой защиты, признанного оптимальным в сравнительном праве, и не выполняет в полной мере обязательств, предусмотренных соглашением ЕАЭС 2017 года применительно к трансграничной передаче данных.

2.3. Китайская Народная Республика и государства ШОС

Расширение сравнительно-правового горизонта за пределы ЕС и ЕАЭС позволяет обратиться к опыту Китайской Народной Республики. Базовым актом в данной сфере является Закон КНР об управлении въездом в страну и выездом из страны от 30 июня 2012 года (вступил в силу 01.07.2013), регулирующий въезд, пребывание и проживание иностранцев на территории КНР. Статья 7 Закона уполномочивает Министерство общественной безопасности и Министерство иностранных дел устанавливать правила сбора биометрических идентификаторов — отпечатков пальцев и иных данных — у въезжающих иностранных граждан, без каких-либо изъятий. Это создаёт нормативную основу для сплошной биометрической регистрации, существенно более широкой по охвату, чем аналогичные механизмы, предусмотренные российским Постановлением № 1510.

Система управления иностранными гражданами в КНР дополняется интеграцией данных с Системой социального кредита. В соответствии с действующим регулированием иностранные юридические лица, имеющие представительства в КНР, включены в данную систему наравне с отечественными субъектами; физические лица-иностранцы также могут быть затронуты её действием при допущении нарушений [14; 15]. Принципиальным отличием китайской модели является её откровенно инструментальный характер: ст. 1 Закона 2012 года прямо называет первоочерёдной целью «охрану суверенитета, безопасности и общественного порядка» при лишь номинальной защите прав иностранцев (ст. 3). Механизмы оспаривания алгоритмических выводов нормативно не предусмотрены; данный пробел воспроизводится как в самом Законе, так и в подзаконных актах о биометрической идентификации, принятых во исполнение ст. 7 [15].

Данный компаративный срез важен для российского правоведения не как образец для подражания, а как пример регуляторной крайности: создание масштабной технологической инфраструктуры профилирования мигрантов без правозащитной надстройки порождает систему, в которой любая ошибка алгоритма практически необорима для субъекта [14]. Принятый Указ № 467 тяготеет к той же логике, поскольку сосредоточен на инфраструктурной стороне при умолчании о гарантиях. Задача российской правовой науки — предложить модель, сочетающую технологическую эффективность с конституционными стандартами защиты личности.

Таким образом, нормативный разрыв между Указом № 467 и оптимальными стандартами защиты субъектов данных реален. Его значение — доктринальное и имплементационное: принятое регулирование не достигает уровня правовой защиты, признанного оптимальным в сравнительном праве, и не выполняет в полной мере обязательств, предусмотренных Соглашением ЕАЭС 2017 года.

3. Доктринальный анализ

В доктрине сложилось несколько подходов к смежной проблематике, заслуживающих критического рассмотрения.

Э.В. Талапина разграничивает инструментальную цифровизацию — замену бумажных процессов электронными — и конституирующую, при которой алгоритм формирует само содержание административного решения [16, с. 25–30]. Применительно к цифровому профилю иностранного гражданина Указ № 467 осуществил именно конституирующую цифровизацию: профиль не просто фиксирует ранее принятые решения, но сам становится основанием для новых. Данное разграничение концептуально точно и продуктивно. Вместе с тем оно оставляет без ответа вопрос о том, каков конкретный нормативный инструментарий, необходимый при конституирующей цифровизации публично-правовых отношений. Говоря иначе, Талапина диагностирует новое качество правового явления, но не предлагает системы гарантий, соразмерной этому новому качеству. Именно восполнение данного пробела составляет одну из задач настоящей работы.

Т.Я. Хабриева и Н.Н. Черногор обосновывают тезис о том, что цифровизация трансформирует правовые понятия, порождая асинхронность между технологическими и правовыми системами [17, с. 88–91]. Настоящий случай — яркое подтверждение: технологический инструмент существовал де-факто с 2021 года, тогда как его правовое оформление завершается лишь в 2025–2026 годах. Концепция Хабриевой–Черногора носит преимущественно диагностический характер: авторы фиксируют проблему асинхронности, но предлагаемые ими механизмы опережающего правового регулирования носят общий характер и не специфицированы применительно к правоотношениям, в которых одной из сторон выступает иностранный гражданин с изначально усечённым объёмом процессуальных гарантий. Настоящее исследование нацелено на преодоление этого ограничения через выработку конкретных законодательных предложений.

Попова С. М., Храмова М. Н., Чжан Ч., анализируя миграционную политику в условиях цифровой экономики, акцентирует внимание на технологической адаптивности как условии эффективного управления миграционными процессами [4]. Принятые в 2025 году акты реализуют данный тезис на организационном уровне. Однако вопрос о правовых последствиях для иностранного гражданина как субъекта данных в этих работах остаётся непроработанным.

А.Р. Атабеков, исследуя области применения искусственного интеллекта в государственном управлении в России, указывает, что ИИ-инструменты активно внедряются в публичные функции прежде, чем для них создаётся надлежащая правовая база [18, с. 183–184]. Данный тезис точно описывает ситуацию с цифровым профилем: технологическое развёртывание системы опередило формирование правозащитного регулирования. Однако решение этой проблемы требует не только констатации, но и разработки конкретного правового инструментария — что автор лишь намечает, не предлагая готовых законодательных решений.

В зарубежной науке особого внимания заслуживает концепция алгоритмического оспаривания, исследованная применительно к миграционному управлению [19]. Авторы показывают, что даже при наличии формальных механизмов оспаривания непрозрачность алгоритмических систем лишает их содержательного смысла. Применительно к российским реалиям одного лишь права на ознакомление с профилем, предусмотренного Указом № 467, недостаточно — необходим полноценный механизм контроля над логикой алгоритма [9].

М. Хильдебрандт, разработавшая концепцию цифрового двойника, указывает, что алгоритмически конструируемое цифровое представление индивида порождает юридически значимые последствия вне зависимости от воли и осведомлённости самого человека [20, с. 14–16]. Российский цифровой профиль обнаруживает именно эту черту: формируясь автоматически при пересечении границы, он способен ограничить будущую мобильность лица без его осведомлённости о характере содержащейся информации. Концептуальный вклад Хильдебрандт состоит в демонстрации того, что «цифровой двойник» функционирует как самостоятельный правовой субъект-заместитель в информационных системах. Вместе с тем её подход, разработанный применительно к западным правовым системам с устоявшимися механизмами защиты данных, не учитывает специфику публично-правовых отношений с иностранным гражданином в условиях, когда оба компонента — и правозащитный инструментарий, и цифровая инфраструктура — находятся в стадии первичного формирования.

Ф. Паскуале, анализируя феномен «чёрного ящика» в алгоритмических системах, указывал, что право на контроль над алгоритмом является не технической привилегией, а фундаментальным правовым требованием [21]. В отличие от позиций, рассматривающих прозрачность алгоритмов как вопрос технической политики, Паскуале настаивает на её правозащитном измерении. Применительно к ситуациям, когда алгоритмические решения непосредственно затрагивают свободу передвижения личности, эта позиция представляется более убедительной.

Таким образом, доктринальный консенсус сводится к следующему: технологическая инфраструктура цифрового профиля в целом сформирована, тогда как правозащитная — нет. Принятые нормативные акты лишь частично закрывают этот разрыв.

4. Правозащитные пробелы действующего регулирования

Анализ Указа № 467 позволяет выявить четыре системных пробела:

Первый пробел — отсутствие права на объяснение. Ни ФЗ от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в РФ», ни ФЗ от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» не закрепляют права субъекта на получение в доступной форме объяснения логики алгоритмического вывода, влекущего ограничения его правового статуса. Рабочая группа по статье 29 ещё в 2018 году констатировала, что «объяснимость» является ключевым компонентом правомерного автоматизированного профилирования. В отсутствие такого права иностранный гражданин лишён возможности содержательно оспорить административное решение, поскольку не может установить его фактическое основание.

Второй пробел — отсутствие механизма оспаривания данных. Наличие в профиле ошибочных или устаревших сведений способно повлечь неправомерный отказ в разрешительных документах или ограничение въезда. Однако ни Указ № 467, ни ФЗ от 18.07.2006 № 109-ФЗ «О миграционном учёте иностранных граждан и лиц без гражданства» не устанавливают специализированной процедуры оспаривания содержания межведом-

ственного агрегированного ресурса. Общий порядок, предусмотренный ФЗ-152, не учитывает специфику публично-правовых данных, формируемых несколькими федеральными органами исполнительной власти одновременно. Поэтому даже при наличии формальных механизмов оспаривания непрозрачность алгоритмических систем зачастую лишает их содержательного смысла, поскольку субъект данных не может установить, какой именно вывод алгоритма подлежит оспариванию

Третий пробел — допустимость полностью автоматизированных решений. Действующее законодательство не содержит требования об участии уполномоченного должностного лица в принятии административных решений, основанных на данных профиля. Это создаёт риск делегирования юрисдикционной функции алгоритму — явления, которое Ф. Паскуале охарактеризовал как «управление чёрного ящика».

Четвёртый пробел — режим трансграничной передачи данных. Проект постановления МВД России о составе сведений цифрового профиля, опубликованный в декабре 2025 года, не содержит положений о порядке передачи данных иностранным государствам в рамках соглашений о реадмиссии.

5. Выводы и предложения

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, Указ Президента РФ от 09.07.2025 № 467 и сопутствующие акты 2024–2025 годов создали нормативную основу государственного информационного ресурса, решив организационно-правовую задачу институционализации цифрового профиля иностранного гражданина. Впервые в отечественном праве введена правовая категория, описывающая агрегированное цифровое представление мигранта как самостоятельный юридически значимый объект.

Во-вторых, принятое регулирование сосредоточено на инфраструктурной стороне — операторе, составе сведений, доступе государственных органов — в ущерб правозащитной. Четыре системных пробела остаются незаполненными: отсутствие права на объяснение алгоритмического решения, неурегулированность механизма оспаривания данных профиля, допустимость полностью автоматизированных административных решений, неопределённость режима трансграничной передачи сведений.

В-третьих, сравнительный анализ показывает, что оптимальные стандарты в данной сфере сформулированы в праве ЕС (ст. 22 GDPR) и рекомендательных актах Рабочей группы по статье 29. РФ не ратифицировала Конвенцию СЕ № 108, что исключает их прямое действие, однако не снимает ни доктринальных аргументов, ни обязательств, вытекающих из Соглашения ЕАЭС о защите персональных данных 2017 года. Опыт КНР и государств ШОС демонстрирует, что технологически развитые системы профилирования мигрантов без правозащитной надстройки порождают необоримые алгоритмические риски.

На основании изложенного предлагается:

1) Дополнить ФЗ от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в РФ» новой статьёй, закрепляющей право иностранного гражданина на получение в письменной доступной форме объяснения логики алгоритмических выводов, на основании которых приняты ограничивающие его правовой статус административные решения, с обязанностью оператора ресурса предоставить такое объяснение в течение 30 дней.

2) Закрепить в Указе № 467 или в специальном административном регламенте процедуру оспаривания иностранным гражданином достоверности сведений, включённых в профиль, с установлением пятидневного срока рассмотрения обращений, обязанностью уведомить субъекта данных об итогах проверки, а также правом на получение мотивированного отказа в случае невнесения изменений.

3) Внести в ФЗ от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в РФ» специальную норму, запрещающую принятие юридически значимых решений в отношении иностранного гражданина в сфере въезда, выезда и выдачи разрешительных документов исключительно на основании автоматизированной обработки данных профиля без участия уполномоченного должностного лица, которое несёт персональную ответственность за принятое решение.

4) Включить в постановление Правительства РФ о составе сведений цифрового профиля раздел, регламентирующий трансграничную передачу данных в рамках соглашений о реадмиссии: определить закрытый перечень государств-реципиентов, объём и основания передачи сведений, порядок уведомления субъекта данных, с учётом требований Соглашения ЕАЭС о защите персональных данных физических лиц от 25 января 2017 года.

5) Предусмотреть механизм оценки эффективности предложенных мер посредством введения обязательной ежегодной публикации оператором ресурса (МВД России) агрегированных статистических сведений о количестве обращений субъектов данных, сроках их рассмотрения, доле удовлетворённых запросов на исправление данных и количестве оспоренных в судебном порядке автоматизированных решений. Такой мониторинг позволит своевременно выявлять системные сбои в алгоритмической обработке данных профиля и оценивать практическую работу правозащитных механизмов.

Реализация предложенных мер позволит обеспечить баланс между легитимными целями миграционного контроля и конституционными гарантиями прав личности. Концепция государственной миграционной политики на 2026–2030 годы создаёт для этого нормативный горизонт; задача правовой науки — обеспечить его содержательное наполнение.

Литература

1. Попова С.М. Цифровизация миграционной сферы в России: состояние и перспективы // Право и политика. 2021. № 9. С. 118-132. DOI: 10.7256/2454-0706.2021.9.36488 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36488
2. Максименко Е.И., Журкина О.В., Ерохина Е.В. Правовые аспекты информационно-цифрового регулирования миграционных процессов // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11. № 10А. С. 243-249. DOI: 10.34670/AR.2021.91.51.031. EDN: XOEEDE.
3. Полякова Т.А., Бойченко И.С. Цифровой оборот данных – проблемы взаимодействия субъектов и оператора обработки персональных данных // Право и государство: теория и практика. 2021. № 11. С. 181-184.
4. Попова С. М., Храмова М. Н., Чжан Ч. Адаптивная миграционная политика в условиях цифровой экономики (по материалам российско-китайского круглого стола) // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3. № 2. С. 182-190. DOI: https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.15. EDN: WYSPGF.
5. Волох В.А., Дмитриева Т.Н. Риск-ориентированный подход в государственном управлении внешней миграцией // Управление. 2024. Т. 12. № 1. С. 5-15. DOI: 10.26425/2309-3633-2024-12-1-5-15. EDN: DJTOOP.
6. Зубарев С.М. Правовые риски цифровизации государственного управления // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 6. С. 23-32. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.023-032. EDN: XISKCR.
7. Талапина Э.В. Прозрачность алгоритмов искусственного интеллекта // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. № 3. С. 4-27. DOI: 10.17323/2072-8166.2025.3.4.27. EDN: RGQHJV.
8. Цирин А. М. Цифровое профилирование на государственной службе: понятие и перспективы правового регулирования // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 10. С. 97-109. DOI: 10.12737/jrl.2022.108. EDN: QGGQKG.
9. Hillo T. Algorithmic Governance: Experimental Evidence on Citizens and Public Administrators Legitimacy Perceptions of

Automated Decision-Making // Public Administration. 2025. DOI: 10.1111/padm.70028. (на англ. яз.). EDN: IMQTKS.

10. Roehl U. Automated Decision-Making and Good Administration: Views from Inside the Government Machinery // Government Information Quarterly. 2023. Vol. 40. DOI: 10.1016/j.giq.2023.101864. (на англ. яз.). EDN: EKKQHJ.

11. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data (GDPR) // Official Journal of the European Union. 2016. L 119. P. 1-88. (на англ. яз.).

12. Article 29 Data Protection Working Party. Guidelines on Automated individual decision-making and Profiling for the purposes of Regulation 2016/679. WP251rev.01. Brussels: European Commission, 2018. 28 p. (на англ. яз.).

13. Convention for the Protection of Individuals with regard to Automatic Processing of Personal Data (ETS No. 108). Strasbourg: Council of Europe, 1981. (на англ. яз.).

14. Рувинский Р.З., Тарасов А.А. «Система социального кредита»: исторические предпосылки и доктринальные основания феномена // Национальная безопасность / nota bene. 2020. № 3. С. 72-88. DOI: 10.7256/2454-0668.2020.3.33021 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33021

15. Ohlberg M., Ahmed S., Lang B. China's Social Credit System in 2021: From Fragmentation towards Integration. Berlin: Merics, 2021. 43 p. (на англ. яз.).

16. Талапина Э.В. Алгоритмы и искусственный интеллект сквозь призму прав человека // Журнал российского права. 2020. № 10. С. 25-39. DOI: 10.12737/jrl.2020.118. EDN: DLFNEL.

17. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85-102. DOI: 10.12737/art_2018_1_7. EDN: YKWEZL.

18. Atabekov A.R. Areas for Public Functions Implementation by Artificial Intelligence in Russia and the World // Actual Problems of Russian Law. 2023. Vol. 18. No. 5. P. 181-185. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.150.5.181-185. (на англ. яз.). EDN: BLTHYA.

19. Andreeva-Eneva S., Mora-Gamez F. Civil Society and the (Im)possibilities of Algorithmic Contestation in Migration Governance // Frontiers in Sociology. 2025. Vol. 10. DOI: 10.3389/fsoc.2025.1641898. (на англ. яз.). EDN: DEWNYM.

20. Hildebrandt M. Smart Technologies and the End(s) of Law: Novel Entanglements of Law and Technology. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2015. 280 p. (на англ. яз.).

21. Pasquale F. The Black Box Society: The Secret Algorithms That Control Money and Information. Cambridge (MA): Harvard University Press, 2015. 311 p. (на англ. яз.).

Digital Profile of a Foreign National as a Legal Category: Towards the Question of Legislative Consolidation

Marandi D.Vy.

Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

The subject of this study is the legal nature and normative content of the category "digital profile of a foreign national" within the Russian migration and information legislation, in the context of the experimental and permanent regulatory framework introduced in 2024–2026. The article analyses the normative transition from a state of complete legal vacuum to the establishment of a state information resource through Presidential Decree No. 467 of 09 July 2025 "On the State Information Resource 'Digital Profile of a Foreign National'". A comparative legal analysis is conducted to assess the quality of the new regulatory framework governing the state information resource in terms of its compliance with the rule-of-law standards regarding data subject rights, transparency of algorithmic decisions, and protection against discrimination. The study employs a combination of methods: formal-legal, comparative-legal, systemic, and empirical. This article presents a comprehensive scholarly analysis of the legislative consolidation of the state digital information resource "Digital Profile of a Foreign National" in Russian law. It is argued that the regulatory acts adopted in 2024–2026, while resolving the issue of the organisational foundation of the profile, left unanswered the key questions concerning the legal status of the foreign national as a data subject: the right to receive explanations regarding administrative decisions made on the basis of data reflected in the profile, the right to contest automated inferences, and guarantees of protection against discrimination. Specific measures are proposed to address the identified gaps and to improve legislation in the field of migration.

Keywords: digital profile of a foreign national, state information resource, migration legislation, personal data, algorithmic profiling, automated administrative decisions, right to explanation, data subject, digitalization of public administration, migration control.

References

1. Popova S.M. Digitalization of the Migration Sphere in Russia: State and Prospects. Law and Politics. 2021. No. 9. Pp. 118–132. DOI: 10.7256/2454-0706.2021.9.36488.
2. Maksimenko E.I., Zhurkina O.V., Erokhina E.V. Legal Aspects of Information-Digital Regulation of Migration Processes. Issues of Russian and International Law. 2021. Vol. 11. No. 10A. Pp. 243–249. DOI: 10.34670/AR.2021.91.51.031.
3. Polyakova T.A., Boychenko I.S. Digital Data Circulation — Problems of Interaction between Subjects and the Personal Data Processing Operator. Law and State: Theory and Practice. 2021. No. 11. Pp. 181–184.
4. Popova S.M., Khramova M.N., Zhang Ch. Adaptive Migration Policy in the Context of the Digital Economy (Based on Materials from a Russian-Chinese Round Table). DEMIS. Demographic Research. 2023. Vol. 3. No. 2. Pp. 182–190. DOI: 10.19181/demis.2023.3.2.15.
5. Volokh V.A., Dmitrieva T.N. Risk-Based Approach in Public Administration of External Migration. Management. 2024. Vol. 12. No. 1. Pp. 5–15. DOI: 10.26425/2309-3633-2024-12-1-5-15.
6. Zubarev S.M. Legal Risks of Digitalization of Public Administration. Actual Problems of Russian Law. 2020. Vol. 15. No. 6. Pp. 23–32. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.023-032.
7. Talapina E.V. Transparency of Artificial Intelligence Algorithms. Law. Journal of the Higher School of Economics. 2025. No. 3. Pp. 4–27. DOI: 10.17323/2072-8166.2025.3.4.27.
8. Tsirin A.M. Digital Profiling in Public Service: Concept and Prospects for Legal Regulation. Journal of Russian Law. 2022. Vol. 26. No. 10. Pp. 97–109. DOI: 10.12737/jrl.2022.108.
9. Hillo T. Algorithmic Governance: Experimental Evidence on Citizens and Public Administrators Legitimacy Perceptions of Automated Decision-Making. Public Administration. 2025. DOI: 10.1111/padm.70028.
10. Roehl U. Automated Decision-Making and Good Administration: Views from Inside the Government Machinery. Government Information Quarterly. 2023. Vol. 40. DOI: 10.1016/j.giq.2023.101864.
11. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the Protection of Natural Persons with Regard to the Processing of Personal Data (GDPR). Official Journal of the European Union. 2016. L 119. Pp. 1–88.
12. Article 29 Data Protection Working Party. Guidelines on Automated Individual Decision-Making and Profiling for the Purposes of Regulation 2016/679. WP251rev.01. Brussels: European Commission, 2018. 28 p.
13. Convention for the Protection of Individuals with Regard to Automatic Processing of Personal Data (ETS No. 108). Strasbourg: Council of Europe, 1981.
14. Ruvinsky R.Z., Tarasov A.A. The "Social Credit System": Historical Prerequisites and Doctrinal Foundations of the Phenomenon. National Security / Nota Bene. 2020. No. 3. Pp. 72–88. DOI: 10.7256/2454-0668.2020.3.33021.
15. Ohlberg M., Ahmed S., Lang B. China's Social Credit System in 2021: From Fragmentation towards Integration. Berlin: Merics, 2021. 43 p.
16. Talapina E.V. Algorithms and Artificial Intelligence through the Lens of Human Rights. Journal of Russian Law. 2020. No. 10. Pp. 25–39. DOI: 10.12737/jrl.2020.118.
17. Khabrieva T.Ya., Chernogor N.N. Law in the Context of Digital Reality. Journal of Russian Law. 2018. No. 1. Pp. 85–102. DOI: 10.12737/art_2018_1_7.
18. Atabekov A.R. Areas for Public Functions Implementation by Artificial Intelligence in Russia and the World. Actual Problems of Russian Law. 2023. Vol. 18. No. 5. Pp. 181–185. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.150.5.181-185.
19. Andreeva-Eneva S., Mora-Gamez F. Civil Society and the (Im)possibilities of Algorithmic Contestation in Migration Governance. Frontiers in Sociology. 2025. Vol. 10. DOI: 10.3389/fsoc.2025.1641898.
20. Hildebrandt M. Smart Technologies and the End(s) of Law: Novel Entanglements of Law and Technology. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2015. 280 p.
21. Pasquale F. The Black Box Society: The Secret Algorithms That Control Money and Information. Cambridge (MA): Harvard University Press, 2015. 311 p.